

СТАТЬИ И ЭССЕ

Вахштайн В.С.*

**К проблеме темпоральных механизмов социальной организации
пространства.
Анализ резидентальной дифференциации**

Проблематизация категорий «пространства» и «времени» в социологической теории изначально предполагает некоторый план их соотнесения. Идет ли речь о противопоставлении темпорального и пространственного в анализе структуры социального действия (которое, согласно известной формуле Парсонса «не пространственно, но временно») или, напротив, об их соединении в неразрывный континуум «пространства/времени», через призму которого рассматриваются рутинизировавшиеся социальные практики (Э. Гидденс). Вариантом такого соотнесения является постановка проблемы *темпоральных механизмов социальной организации пространства*, очередная попытка ответить на вопрос «Каким образом в пространство вмещивается время?». Далее мы рассмотрим эту проблему на предельно частном примере *резидентальных сообществ*. Соответственно, исходным пунктом нашего анализа является построение идеальнотипической модели социальной дифференциации, для которой пространство и время представляют фундаментальные схемы различения.

В основе резидентальной (от латинского *resident* – проживающий) дифференциации лежит разделение социальных групп по срокам проживания в стране (регионе, городе и т.д.). Здесь место человека в социальной структуре, его принадлежность той или иной резидентальной группе, определяется количеством лет, которые он сам (*первичная резидентность*) или поколения его предков (*вторичная резидентность*) прожили на территории данного сообщества. Таким образом, срок проживания выступает критерием конституирования социальных тождеств и различий, разделяя «коренных» и «пришлых», старожилов и новоприбывших, потомков первопоселенцев и потомков недавних иммигрантов – т.е., резидентные и нерезидентные группы¹.

Частный случай резидентальной дифференциации – резидентальная стратификация. Различия в сроках проживания редко бывают нейтральны; они не только конституируют социальные дистанции, но и поддерживают особую систему распределения, перераспределения и воспроизводства неравенства. (Более подробно этот вопрос рассмотрен нами в [17]).

В то же время, резидентные и нерезидентные группы отнюдь не всегда поддаются стратификационному соотнесению. Резидентальные дистанции сохраняют свою силу даже там, где группам резидентов и нерезидентов нельзя приписать отношений хуже/лучше, больше/меньше. Так, американские индейцы и израильские «харедим» (члены ультрарелигиозных общин Иерусалима, существовавших с момента его основания) – подлинные резиденты этих сообществ – оказались в изоляции (первые – в резервациях, вторые – за стенами религиозного квартала «Меа Шеарим»), продолжая настаивать на своем праве на эту землю, отказываясь признавать новую систему отношений между «коренными» и «новоприбывшими». При этом они не являются ни «низшим», ни «высшим»

---

* Вахштайн Виктор Семенович – аспирант ГУ-ВШЭ

© Центр Фундаментальной социологии, 2003

© Вахштайн Виктор, 2003

¹ Необходимо разделить категории «резидентного» и «резидентального». Резидентной группой является группа, наделенная резидентным статусом – старожилы, «старые семьи» и т.д. Резидентальная группа – всякая социальная группа, являющаяся субъектом резидентности. «Резидентальное» – более общее понятие, включающее в себя «резидентное» и «нерезидентное».

резидентальным стратом; они вообще оказываются за скобками стратификационного членения. Однако такая «непричастность» к стратификации внутри сообщества лишь усиливает дистанцию между непризнанными «подлинными резидентами» и «оккупантами». В приведенном примере резидентальная дистанция имеет выраженную пространственную проекцию: в первом случае административную границу, во втором – пятиметровую стену.

В каких условиях фактор резидентности начинает оказывать влияние на социальную дифференциацию? Резидентность существует практически во всех социальных системах, *обладающих территорией* и вовлеченных в процессы *миграции*. Резидентальные отношения возникают в условиях «постоянства» территории и «непостоянства» состава ее обитателей. Соответственно, в тех сообществах, где а) территория представляет собой дефицитный ресурс, за который идет борьба (или «конкуренция на биотическом уровне», пользуясь выражением Р. Парка [5]); и б) территория более значима как объект идентификации (имеется ввиду отождествление группы с занимаемым ею пространством), создаются более благоприятные условия для развития резидентности. В то же время, в отсутствие миграционных процессов – даже при самой сильной связи с Землей и Местом – резидентность не возникает. Не возникает она и в кочевых общинах, не привязанных к занимаемой территории.

Необходимо выделить первичную и вторичную резидентность. *Первичная резидентность* – это различия в сроках проживания на протяжении жизни одного поколения. Иными словами, это различия между приехавшими раньше и приехавшими позже. *Вторичная резидентность* предполагает деление на «старосемейные» и «новосемейные» группы (У. Уорнер) – на потомков старожилов и новоприбывших [29, с. 211].

На микроуровне, уровне малых социальных групп, вторичная резидентность отсутствует. Различия между «новичками» и «старожилами» в классе средней школы или в общежитской комнате – это первичные резидентальные различия. Мы также можем говорить о доминировании первичной резидентности и на мезоуровне, уровне организаций. Однако здесь эти различия институционализируются – появляются как формальные институты, закрепляющие резидентальное неравенство («выслуга лет»), так и их неформальные аналоги («дедовщина»). С возникновением вторичной резидентности статус резидента начинает передаваться по наследству, резидентальная структура усложняется и возникает *резидентальная триада*: деление на «коренных», «старожилов» и «новичков». Соответственно, нами выделяются три *этапа* развития резидентальной дифференциации: 1) формирование первичной резидентности; 2) становление резидентальной триады «коренных – старожилов – новичков»; 3) дифференциация «коренных» на «старые» и «новые» семьи.

Можно выделить также три основания резидентальной дифференциации, проявляющиеся, фактически, на любом уровне: от общежитской комнаты до общества. Это неравное *распределение ресурсов* (прибывшие раньше имеют больше возможностей для их «узурпации»), специфический *социальный навык*, обретаемый новичком в процессе социализации, и *ценности места* (культурный капитал), на выражение которых могут претендовать лишь резиденты. Четвертое основание – *формальные институты*, закрепляющие резидентальные различия, – не является универсальным, существующим на всех уровнях. Оно представляет собой основание *воспроизводства* резидентальных различий.

Удельный вес каждого основания определяется не только спецификой социальной системы, но и формой резидентности. В США различия между российскими иммигрантами 70-х и 90-х годов обусловлены разной интегрированностью в ткань американского общества. Старожилы видят в новоприбывших конкурентов, приехавших занять их рабочие места. В этом специфика первичной резидентности.

Иной характер носит разделение на «старые» и «новые» американские семьи. Потомки «первопроходцев» и «отцов-основателей» дорожат своим статусом резидентов,

дающим им право на выражение «подлинно-американских ценностей». Вторичная резидентность в большей степени связана с культурными, символическими основаниями резидентальной дифференциации, поскольку различия в обладании ресурсами и социальными навыками между потомками старожилов и новичков менее значимы.

Мы исходим из двух базовых предположений. Во-первых, резидентальные различия универсальны – дифференциация на тех, кто пришел раньше и тех, кто пришел позже обнаруживается и в общежитских комнатах и в государствах иммигрантов. Во-вторых, формирующиеся во времени резидентальные различия объективируются в пространстве, организуя социальные взаимодействия.

Поскольку резидентность определяется через *срок* проживания (период времени) на определенной *территории* (фрагмент пространства), пространство и время представляют для нее фундаментальные схемы различения. Однако попытка вписать резидентность в более широкий социально-теоретический контекст посредством анализа ее временных и пространственных аспектов обнаруживает ряд препятствий. Главное из них состоит в том, что «социология времени» и «социология пространства» – это два различных типа теоретизирования [30]. «Решение в пользу *социологии* времени, – отмечает А.Ф. Филиппов, – означает, что поведение людей, их действия интересуют социолога как «осмысленные действия», что главное для него... «субъективно значимый смысл». Фактически происходящее совершается в настоящем. Прошлое и будущее – это смысловые проекции. Но смысловое есть нечто *нетелесное*. Смысл существует не в теле (хотя выражен только через материально-телесные носители), т.е. не имеет места в пространстве» [31, с. 107]. Напротив, решение в пользу социологии пространства предполагает акцент на телесном, материальном аспекте взаимодействия. Отсюда вывод: социология времени связана с социологией смысла, социология пространства – с социологией тела.

Не заостряя сейчас внимания на «переоткрытии телесности» и том влиянии, которое социология тела оказала на социологию пространства [7], зафиксируем в качестве центрального для нашего дальнейшего рассуждения понятие «*субъективно значимого смысла действия*». Смысл не имеет ни телесной, ни пространственной локализации – он не вписан в тело действующего, как мысль не «вписана» в мозг мыслящего, и не вписан в пространство совершения действия, подобно тому, как шкаф вписан в интерьер комнаты. Смысл связан с темпоральной организацией действия (по Парсонсу: «время действия – способ связи средств и целей и других элементов действия» [6, р. 736]), но может быть *соотнесен* или *не соотнесен* с местом действия. Категория «отнесения к месту» позволяет нам говорить о месте как о *смысловом конструкте*, вычленяемом из пространства взаимодействия посредством соотнесения с ним некоторого субъективного смысла участниками взаимодействия или его наблюдателем.

Применительно к резидентальной дифференциации этот вывод означает, что не само по себе одновременное прибытие людей на некоторую территорию проводит различия между ними (в том числе и пространственно оформленные различия), но тот субъективно значимый смысл, который с этой территорией соотносится, закрепляется в ценностно-нормативных конструктах и воспроизводится в рутинизированных социальных практиках. Согласно нашей гипотезе *территория, общее пространство взаимодействия, является одновременно и исходным условием развития резидентности и своего рода «экраном», на который резидентальные различия проецируются.*

Почему именно «смысл» был выбран в качестве связующего звена между пространством и временем? Почему действие – рефлексивное, интенциональное, обладающее темпоральной организацией и на уровне субъективного смысла соотносимое с пространством – оказалось в фокусе анализа пространственной дифференциации резидентальных групп? Может ли задача исследования темпоральных механизмов организации пространства быть решена без апелляции к субъективным смыслам

действующих (в нашем случае – резидентов и нерезидентов, «старых» и «новых»), без анализа их «определений мест»²?

Акционистская перспектива рассмотрения резидентальной дифференциации – не единственно возможная, а временные механизмы организации мест могут быть проанализированы без обращения к конституирующим их взаимодействиям. Противоположный акционистскому, структуралистский анализ резидентности покоится на принципиально иных допущениях о взаимосвязи социального, пространственного и временного. Центральным из них является тезис социальной морфологии Дюркгейма: пространственная (и временная) организация жизни сообщества есть своего рода проекция социальной организации.

«Пространство не было бы самим собой, если бы, *подобно времени*, оно не было разделенным и дифференцированным, – пишет Дюркгейм, – Но откуда берутся эти столь существенные разделения? ... Все эти различия очевидным образом идут оттого, что регионам приписывают различную аффективную ценность». [22]. Хотя этот тезис также покоится на постулировании некой «аффективной ценности» придаваемой пространству, которое само по себе никакой ценности не имеет, идея места как смыслового конструкта уступает идее места как локализации социальных фактов и функций, а зиммелевское представление об однородности и уникальности пространства и мест-в-пространстве сменяется представлением о пространстве дифференцированном и «утилизированном» [33, с. 67].

На первый взгляд реалистская дюркгеймианская традиция с ее установкой на анализ пространственных проекций социальных фактов более адекватна поставленной задаче анализа резидентальной *дифференциации*. Для доказательства существования резидентности достаточно представить зависимость между временем прибытия тех или иных групп на обозначенную территорию и схемами их пространственного размещения, обнаруживая пространственные проекции – границы, дистанции – дифференциации резидентальных групп. (В частности, подобная зависимость была представлена У. Уорнером в его исследовании, посвященном социальной стратификации в городе Янки-Сити [13], где различия между резидентными и нерезидентными группами приобрели пространственное выражение).

Однако описания корреляции явно не достаточно для построения объяснительных моделей. Последние же основаны на вменении «причиняющего действия»: приписывании его либо самому пространству (эта точка зрения развита в бихевиористской географии [2], [10], где среда описывается как источник стимулов, а человеческое поведение – как реакция на них), либо некоторым непространственным социальным силам, что позволяет говорить о «конструировании пространства». Признание приоритета за пространством – значительно более уязвимая позиция. Ее детальная критика изложена в работе Б. Верлена «Общество, Пространство и Действие» [11].

Верлен принципиально отказывает пространству в «причинности» и считает спациолизм фундаментальной ошибкой географии, полагающейся «наукой о пространстве». Пространство не может быть предметом отдельной дисциплины, поскольку такой «вещи» как пространство не существует – пространство есть «отношение вещей» (Г. Лейбниц). Истоки геодетерминистского заблуждения Верлен возводит к субстантивистским определениям пространства как «идеи протяженности, тождественной идее телесной субстанции» (Р. Декарт) или как «абсолютному, неподвижному пространству» (И. Ньютон) [11, с. 32].

В то же время, признание пространства исключительно «лишенным причинности социальным конструктом», не оказывающим обратного действия на организующие его факторы, также представляется нам ошибочным. Далее мы будем исходить из принципа «реципрокной детерминации»: пространство конструируется социальным взаимодействием,

---

² Мы говорим об «определении места» по аналогии с разработанным в прагматистской традиции понятием «определения ситуации» [8, р. 26].

но формы этого взаимодействия объективируются, овеществляются в пространстве (например, в неравном распределении ресурсов и «ценностей»). Не случайно П. Бурдьё пишет о «власти пространства» над телом человека [16, с. 40], а Лефевр говорит о «молчании пользователей пространства» [4, р. 141]. Иными словами, пространство выступает объектом *структуриации*; «социальное» не просто «натурализуется» в пространственном, оно испытывает на себе и обратное влияние объективированных в пространстве социальных форм, направляющих рутинизировавшееся взаимодействие.

Отступление к проблеме детерминации и вменении причинности потребовалось нам для того чтобы развести два аргумента, используемых «через запятую» сторонниками акционистского анализа: а) пространство есть социальный конструкт, лишенный «причиняющего» действия; б) пространство может быть понято только через обращение к субъектному, интенциональному, рефлексивному действию. (Такая логика рассуждений прослеживается, например, в первой главе книги Верлена «Пространство и причинность, или Что случилось с субъектом?» [11]).

Даже если мы признаем, что пространство сконструировано, а не дано нам изначально как условие поведения, это еще не означает, что оно сконструировано именно социальными субъектами в процессе взаимодействия. Акционистская «установка на действие» не вытекает органически из признания конструируемости пространства, поскольку пространство может быть также «сконструировано» *социальными фактами* (социальная морфология Э. Дюркгейма), *отношениями производства* (марксистская социология пространства А. Лефевра), *социальным пространством*, понимаемым метафорически, как пространство социальных позиций (П. Бурдьё), *знаковыми системами, семантическими полями и семиотическими кодами* (структурная антропология К. Леви-Стросса, семиотика пространства Ю.М. Лотмана).

Так, Анри Лефевр отталкивается от идеи создаваемости, производимости пространства: «Пространство (социальное) есть продукт (социальный)» [23, с. 1]. Однако, будучи средством производства, оно одновременно является и средством контроля; в этом смысле оно так же «реально» как товар или деньги. Что «производит» пространство? (Вопрос «кто?» в лефевровском дискурсе исключен. Субъект лишь «проживает» то, что создается «обществами»). «Природа... – это не что иное, как *исходный материал*, – пишет Лефевр, – поле деятельности производительных сил различных обществ, создававших свое пространство» [23, с. 3]. Но далее Лефевру приходится отвечать на вопрос о локализации социальных отношений производства – на все тот же вопрос о «пространственности» социального. Последовательное развитие идеи производства пространства приводит его к выводу: «Социальные отношения производства имеют социальное существование лишь постольку, поскольку они существуют в пространстве; они проецируются в пространство и в то же время производят его» [4, р. 151-152].

Верлен называет формулировку Лефевра «двойной реификацией»: реификацией пространства и реификацией отношений производства [11, с. 34]. Так, если бы мы попытались определить влияние резидентальных социальных отношений на пространство, в котором они разворачиваются, следуя логике Лефевра, нам бы пришлось сначала реифицировать резидентность, наделив ее самостоятельной «причиняющей» силой и непроницаемостью социального факта, а затем – редуцировать ее к пространственным, материальным проявлениям, поскольку только материальное может быть пространственным.

Сходные принципы «бессубъектного» анализа пространственной дифференциации были предложены П. Бурдьё. Понятие «социального пространства», как пространства позиций, у Бурдьё значительно шире, чем понятие «отношений производства» у Лефевра, однако механизм «вписывания» социального в физическую среду – тот же: «Социальное пространство стремится преобразоваться в физическое пространство с помощью искоренения или депортации некоторых людей...» [16, с. 34]. Люди здесь – объекты действия неких, независящих от их усилий, «стремлений» социального пространства, и даже когда речь заходит о влиянии индивидуальных акторов, Бурдьё подчеркивает – не субъект,

не интенциональное действие, а *habitus*, вписанная в тело структура, формирует место обитания (*habitat*) посредством более или менее адекватного социального употребления этого места обитания³.

В основных же посылках Бурдьё и Лефевр сходятся. Во-первых, у Бурдьё пространство – также является конструктом: «То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально обозначенным и сконструированным» [16, с. 37]. Во-вторых, социальное также «объективировано», «вписано» в пространственное: «физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии (как, например, кабилский дом или план города), объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений» [16, с. 37]. В-третьих, пространство у Бурдьё также является предметом борьбы: «Пространство, точнее места и площади овеществленного социального пространства или присвоенного физического пространства обязаны своей дефицитностью и своей ценностью тому, что они суть цели борьбы, происходящей в различных полях, в той мере, в какой они обозначают или обеспечивают более или менее решительное преимущество в этой борьбе» [16, с. 40]. Но здесь кроется серьезное расхождение позиций Бурдьё с позициями Лефевра. Для Лефевра пространство – предмет «политико-экономической» борьбы за средства производства. Тогда как у Бурдьё описана символическая борьба, – это в первую очередь борьба за престижные, наделенные символической ценностью места.

Схема резидентности как фактора пространственной дифференциации в такой перспективе оказывается упрощенной: а) различия во времени проживания образуют социальные различия, которые при определенных обстоятельствах становятся значимыми; б) данные различия закрепляются в социальном пространстве, как различия резидентальных позиций в социальной структуре; в) социальное пространство вторгается в пространство физическое, в результате чего резидентальные различия объективируются. Время (имеется ввиду резидентальное время – время проживания) и пространство рассматриваются лишь как ресурсы, позволяющие одной резидентальной группе добиться господства (политического, экономического и символического) над другой. А потому время по аналогии с пространством наделяется обратимостью. Прошлое и будущее, присутствующие в настоящем, как составные части темпоральной структуры могут перекомбинироваться и менять свое содержание, поскольку – развивая мысль Дюркгейма – различным *периодам* также приписывается различная аффективная ценность.

Сведение пространства и времени к ресурсным характеристикам – один из примеров редукции. В более широком контексте исследование временных механизмов организации пространства здесь проявляется в поиске связей *темпоральных* и *пространственных* структур, безотносительно к действиям субъектов и их «определениям мест».

Понятие темпоральности не просто как «свойства, присущего сознанию» (именно так понимают ее Бергер и Лукман) [15, с. 113], а как нарратива, объективированного в публичных текстах, предложено в работах Д. Карра. Он связывает «прошлое», «настоящее» и «будущее» в темпоральную структуру, имманентно присутствующую в повседневном взаимодействии и выраженную в нарративах [1, р. 18]. Примерами нарративов могут быть такие объективированные конструкции как «Мы – дети Октябрьской революции и строим коммунизм» [27, с. 34], «Мы – потомки первых переселенцев и ведем за собой мир по пути Демократии», «Мы – наследники первого сионистского Конгресса и строим еврейское государство». Ярким примером нарратива, отражающего резидентальную темпоральную структуру, является сформулированный Уорнером «манифест» жителей Янки-Сити: «... в то время, как нация находится на пути к мировому величию, мы, жители Янки-Сити, заложившие начало всего того, что ныне существует, обладаем уникального рода престижем, который разделяют с нами лишь те, кто жил во времена, когда зарождалось Великое

³ Любопытно, что такой структуралистский подход к пространственной дифференциации не вызывает критики акциониста Верлена, напротив, он подчеркивает близость своих взглядов взглядам Бурдьё [11, Ch. 6].

Общество. И чтобы утвердить за собой права законных наследников и сегодняшних владельцев великой традиции, те, кто живет не здесь – а это сто с лишним миллионов человек, – должны прийти к нам. Именно в нас живет великая традиция и именно наши символы легитимно ее выражают» [29, с. 240].

Темпоральная структура всегда содержит отсылку к прошлому или «началу» («заложившие начало, всего того, что ныне существует»), указывает на настоящее («обладаем уникального рода престижем»), отражает цель («мировое величие»). Прошлое будущее и настоящее сосуществуют в тексте нарратива, выполняющего функцию *идентификации*; в приведенном выше примере – резидентальной идентификации.

Есть ли у такого текста автор? Нарратив жителей Янки-Сити является неотъемлемой частью их резидентальной идентичности и местоимение «мы» в нем относится ко всем носителям резидентного статуса. Но текст этот не принадлежит ни одному из резидентов, здесь структуралистский анализ «убивает» автора для того чтобы выявить в тексте независимую от волеий отдельных субъектов темпоральную структуру резидентности.

Поиск взаимосвязи темпоральных и пространственных структур резидентности – в том числе и в публичных нарративах – представляется нам уязвимым в первую очередь в методологическом отношении. Такую методологическую установку У. Эко называет «онтологическим структурализмом». Поиск «глубинной структуры», Кода Кодов (или, в той же терминологии, Метакода, связующего пространство и время) – отличительная черта структуралистской семиотики пространства. Однако, «приравнивая» время к пространству, такой подход допускает объяснение «по аналогии». Уравнивание пространства и времени в семиотическом «анализе по аналогии» приводит к тому, что время и пространство трактуются как безавторские тексты – «время как текст» и «пространство как текст» – которые можно рассыпать на синтагмы и провести беспристрастный (здесь – структуралистский) анализ. Сходную операцию совершает Леви-Стросс в финале «Сырого и приготовленного» [24, с. 320], пытаясь выявить в любом мифе какую-то элементарную мифологическую структуру, которая а priori представляет собой структуру всякой умственной деятельности и, стало быть, «структуру Духа».

Однако семиотический анализ пространства, являясь частным случаем структуралистского анализа, оставляет без ответа вопрос о том, каким образом «не пространственные, но темпоральные» смыслы структурируют пространство человеческого взаимодействия. Тем более абсурдным в этой рамке рассуждений оказывается вопрос о локализации упомянутой «глубинной» структуры – на какой «глубине», в каком слое реальности следует ее искать, если знаковые системы описываются как надмирные и внепространственные носители абсолютных структур. (Одна из версий ответа на этот вопрос предложена Ю.М. Лотманом. По аналогии с пространством физическим он описывает «пространство» смысловое – *семиосферу* [25]).

Как отмечает А.Ф. Филиппов: «Чрезмерное значение, придаваемое системам значений, будь то растворение реальности в тексте или приписывание культурным смыслам роли исключительного источника активности, нигде не оказывается столь неудовлетворительным, как в случае с пространством... Сам смысл пространственности состоит в том, чтобы быть чем-то, кроме смысла, чем-то превосходящим символические коды и навязывающим себя нам с той несомненностью, которая неведома текстам» [32].

Для целей нашего анализа резидентности от «объективированного смысла» нужно вернуться к смыслу субъективно полагаемому, соотносимому с местом действия, что требует реабилитации действующего в пространстве и времени субъекта. Резидентальная дифференциация – следствие взаимодействия резидентальных субъектов, а не объективация социальных или смысловых структур.

Установка на «возвращение пространству субъекта» не нова. Так, английский социальный географ Н. Трифт предлагает «конституировать регион как структуру взаимодействий», что дает ему возможность рассмотреть жизненную траекторию, как распределение «времени» между «местами» [9, р. 16]. Отправным пунктом концепции

«временной географии» шведского географа Т. Хэгерстранда является феномен рутинного характера повседневных действий, который связывается с возможностями человека перемещаться, изменяться и общаться, с траекторией движения в рамках «жизненного цикла» [3], а, следовательно – с человеческим существом, рассматриваемым как «*биографический проект*». Одно из центральных понятий теории структуризации Э. Гидденса – «локал» – связывает в единый смысловой комплекс физическое пространство и типичные повседневные взаимодействия.

Идея локала у Гидденса противостоит одновременно и укоренившемуся в географии понятию «местоположения» («в контексте социальной теории понятие “местоположения” не может использоваться просто для обозначения “точки в пространстве”, так же, как мы не имеем права говорить о моментах времени как последовательности “сейчас”») и понятию «места обитания» (*habitat* Бурдье), которое может лишь быть «использованным более или менее адекватно». Понятие локала подразумевает использование пространства с целью обеспечения *среды протекания* взаимодействия, необходимой для определения его *контекстуальности* [19, с. 185].

«Локал» ценен для нас также и тем, что вместе с действием возвращает пространству конституирующий его смысл. «Мы говорим о действиях в квартире, – пишет А.Ф. Филиппов, – но саму квартиру мы называем квартирой только потому, что составленные в некотором порядке бетонные блоки связаны (сейчас, в прошлом, в будущем) с определенными действиями. И эти действия могли бы показаться нам *бессмысленными* (неуместными), если бы совершались вне и помимо этих бетонных (деревянных, кирпичных, саманных и проч.) стен» [32, с. 95].

Другое понятие теории структуризации Гидденса – *регионализация локала*. «Локалы, – пишет Гидденс, – могут колебаться в известных пределах – от комнаты в доме, уличного перекрестка, фабричного цеха, небольших городов и крупных мегаполисов до государственных, имеющих четко определенные территориальные границы. Обычно локалы «*районированы*» внутри и внутренние зоны играют важную роль в процессе формирования контекстов взаимодействия» [19, с. 185].

Использование понятия локала для исследования резидентальной дифференциации позволяет заново поставить вопрос об «уровнях» резидентности. Регионализированный локал не может быть сколь угодно малым или большим. То, что рассматривается как локал на одном уровне, оказывается регионом на другом.

Город – арена первичной и вторичной резидентальной дифференциации является регионом локалов «страна», «штат», «область», «графство» и т.д. Так, в современном Израиле своего рода «резидентальными заповедниками» являются города, построенные в годы первой волны репатриации, в конце XIX века. Резидентность подчеркивается данными им названиями – Ришон-ле-Цион (Первый на Сионе), Рош-Пина (Глава угла) и т.д. Резидентальная дифференциация может проявляться и на уровне более крупных территориальных общностей в рамках страны – штатов, графств, земель, районов. Примером может быть борьба двух «резидентных штатов» США – Массачусетса и Вирджинии – за право называться «The Basic State». (В конечном итоге эта надпись была сохранена на автомобильных номерах штата Массачусетс, как более «резидентного»).

Однако можем ли мы говорить о «странах» как регионах локала «мировая система»? Вряд ли это возможно в контексте резидентности, поскольку дифференциация стран в современном мире основана не на резидентальных критериях. Тем не менее, в территориальных спорах между соседними государствами – фактор резидентности (кто занимал эту землю раньше) оказывается не последним аргументом. В этом случае можно зафиксировать локал «регион» (в ином, нежели у Гидденса смысле), включающий в себя данные государства. К примеру, «ближневосточный регион» – не географическое понятие, а политическая конструкция – представляет собой локал, который конституирован взаимодействием субъектов конфликта и его наблюдателями.

Если понимаемый таким образом «регион» – верхняя граница резидентности, за которой она перестает играть роль фактора дифференциации, каковы нижние границы, пределы резидентности на микроуровне?

Город – это не только регион локала «штат», «область», «страна», но и самостоятельный локал, в котором происходит взаимодействие субъектов резидентности, локализованных в его регионах – районах, кварталах, улицах, соседствах, гетто. Неодновременность возникновения городских кварталов придает резидентальным различиям на городском уровне выраженные формы пространственной дифференциации.

Примером более или менее жестко дифференцированного по критерию резидентности города служит Хайфа. Город расположен на трех террасах, спускающихся к морю. Однако самые дорогие дома находятся не в прибрежной полосе (как в большинстве приморских городов), а на верхней террасе. Связано это с тем, что город начал расти «сверху» и верхняя терраса была заселена подлинными резидентами – «отцами-основателями». По мере прибытия новички селились ближе к морю, заселяя среднюю и нижнюю террасы. Таким образом, волны иммиграции обусловили рост города, определив его социальную структуру и современный облик («промышленная зона» также находится в прибрежной полосе, верхняя терраса – самый экологически чистый район города). Теперь на верхней террасе расположены элитные дома, а сам факт проживания в этом районе служит своего рода индикатором принадлежности к «старым семьям».

Но и кварталы могут быть регионализированными локалами, в которых резидентность оказывается значимым фактором социального взаимодействия. Это более заметно в городских «соседствах», имеющих формы общественного самоуправления. Субъекты резидентности здесь – семьи и индивиды, также «локализованы» пространственно – в занимаемых ими домах.

Говорить о доме как о резидентальном локале также можно лишь в том случае, если речь идет не о «семье» (семья – самостоятельный субъект резидентности), а о «жилых» или «квартиросъемщиках». Тогда задача – в крайнем своем варианте – сводится к случаю общежитской комнаты, становящейся аренной яростной «борьбы за жизненное пространство» между старожилками и новичками. Элементарные, далее не дифференцируемые «места» здесь – студенческие койки, места для одежды в шкафу, места за письменным столом. Их размер сопоставим с размерами человеческого тела, конечной универсалией дифференциации пространства взаимодействия. Именно с размерами тела связан нижний предел действия резидентности.

Подобный анализ позволяет поставить вопрос о *моделях регионализации*, типах зонирования локалов резидентального взаимодействия. Э. Гидденс выделяет (а вернее заимствует у И. Гофмана) две оси регионализации: «передний план – задний план» и «раскрытие – замкнутость» [19, с. 199]. Основное (и далеко не бесспорное) допущение Гидденса состоит в том, что различия между обособленностью, раскрытием, задними и передними планами проявляются не только в контекстах соприсутствия (которое было основным предметом исследования Гофмана), но и в расширенных диапазонах пространства-времени. Например, данная модель регионализации обнаруживается Гидденсом в исследованиях зонирования городского пространства Р. Парком и Э. Берджессом. Ярким примером регионализованного резидентального локала является исследованный У. Уорнером новоанглийский город Янки-Сити, в котором взаимодействие резидентальных групп – иммигрантов, потомков иммигрантов (новых семей) и потомков отцов-основателей (старых семей) – способствовало «регионализации» города, конституировало его «внутренние границы» [13], [29].

Постановка проблемы резидентности как фактора пространственной дифференциации в акционистском ключе не только связывает резидентность с взаимодействием субъектов, но и «возвращает» в ее исследования понятие *смысла*, соотносимого с пространством взаимодействия. Не одна ограниченность территории, но и идентификация с ней, и

соотнесение с «местом» некоторой «идеи места» определяет регионализацию резидентальных локалов. Таким образом, пространство оказывается одновременно предметом *биотической* и *символической* борьбы. Теоретические основания подобного различения можно обнаружить в работах Р. Парка, выделившего четыре этапа на пути от биотического уровня к социальному: экологический, экономический, политический и культурный порядки.

Биотический уровень – уровень борьбы за территорию – связан с ресурсными основаниями резидентности; «смысл места» отсутствует или не принимается во внимание субъектами взаимодействия. (Поэтому биотическая резидентность оказывается фактором структурирования территории взаимодействия не только людей, но и животных [12, р. 211]. Здесь нет необходимости говорить о «смысле места», хотя ряд социобиологов настаивает на том, что, помечая свою территорию, животные осуществляют коммуникативную функцию. Тем не менее, речь идет не о рефлексивном и интенциональном действии сознательных существ, а о поведении живых организмов в пространстве). К биотическому же уровню нами относятся и описанные Парком формы «экономического порядка», надстроенного над экологическим. Резидентность здесь – в первую очередь фактор стратификации, поскольку земля представляет собой уже не просто «средство выживания», но ценный ресурс, от обладания или не обладания которым зависит позиция отдельного индивида в социальной структуре.

Примеры такого рода биотической резидентальной дифференциации можно обнаружить в истории освоения «краин Российской империи». Географ и экономист начала XX века Н. Огановский описывает как резидентальный локал Сибирь, которая «...заселяется переселенцами из России, преимущественно с 80-х годов. До тех пор там существовали на просторе те элементы, которые ныне именуется “старожилами”. Эти элементы, пользуясь земельным простором, захватили в свои руки большое количество полей, сравнительно разбогатели и являются по отношению к прибывающим новоселам тем, что г.г. марксисты называют “сельской буржуазией”. Теперь нам ясна причина сибирской “дифференциации”. Она лежит во времени переселения: старожилы отслаиваются в ряды “капиталистов”, новоселы – в “пролетариат”. И чем позднее приходят переселенцы, тем экономически положение их хуже» [26, с. 165].

Символические аспекты резидентности имеют качественно иной характер. Здесь «земля», «территория», «общее пространство взаимодействия» – не ресурс, за контроль над которым идет борьба «старых» и «новых», а символ, предмет интерпретаций со стороны «коренных» и «пришлых». Символические аспекты резидентности так же тесно связаны с ее ценностными, культурными основаниями, как биотические – с ресурсными, а потому более заметны в перспективе вторичной резидентности.

Примеры «конфликта интерпретаций территории» в сфере политической борьбы легко обнаружить в новейшей истории России. Эксперты Фонда Карнеги, анализируя образы российских регионов в публичных текстах, зафиксировали стремительную мифологизацию территорий после референдума 1993 г.

Мифологизация пространства осуществляется за счет интерпретаций исторических и статистических данных. Эксперт фонда А. Титков отмечает, что самыми интерпретируемыми оказываются данные о размерах территорий и времени их существования: «В модели “коммунистов” территории, проголосовавшие против Президента, наделяются, помимо огромной пространственной протяженности, такой же длительностью существования во времени: “Против высказались **традиционные** русские регионы”; “Это – прежде всего **коренная исконная** Центральная Россия. Вот **древний**, пограничный ныне, Псковский край, вот соседняя горькая Смоленщина...”; “это центры **исконных исторических** областей проживания русского и других **коренных** народов России, областей, **первыми** принимавших на себя удары агрессоров”» [28, с. 46].

Как соотносятся между собой биотические и символические аспекты резидентности? Место как «жизненное пространство» и Место, как предмет интерпретации? Является ли

возникновение символического уровня резидентности результатом поэтапной эволюции (как в концепции Р. Парка) от элементарных форм биотической конкуренции «за место под солнцем», к символической борьбе за право присвоения смыслов тому или иному Месту? Или же существует некий символично-биотический дуализм, относительная автономность биотического и символического, благодаря которой символический уровень не «надстраивается» над биотическим, а может быть предпослан ему, направляя структурирование пространства (и, в свою очередь, определяя правила борьбы «за место» на биотическом уровне)? Наконец, какие механизмы обеспечивают связь символического и биотического уровней и каким образом они соотносятся с механизмами временной организации пространства?

Мы исходим из предположения, что обязательной эволюции от элементарных форм конкуренции за «место под солнцем» к символической борьбе интерпретаций не существует. Для возникновения интерпретаций пространства (с последующим их противоборством или сосуществованием) нет необходимости жить на этой территории, бороться за нее с соседом, который пришел раньше/позже тебя. Однако механизмы дифференциации территории, на которой происходит борьба за «жизненное пространство» (биотическая конкуренция), механизмы зонирования места, с которым новоприбывшие связывают осуществление своих проектов (предпосланный смысл), и механизмы регионализации локала, в котором длительное взаимодействие субъектов породило свои табу и мифы (надстраивание смысла), различны.

Первый случай вообще не требует апелляции к субъективному смыслу взаимодействий: нам нет необходимости реконструировать «смысл поведения» волков для того чтобы понять – почему более многочисленная стая «новоприбывших» вытесняет с исконного места стаю «старожилов» [12]. Мы также можем, до определенной степени, без всяких отсылок к субъективности рассмотреть процессы джентрификации в современном американском городе как процессы «выдавливания» коренных малообеспеченных жителей городских «соседств» представителями среднего класса, переселяющимися обратно в город из предместий [20]. Их возвращение приносит с собой рост цен на жилье, что приводит к массовому «исходу» резидентов. Однако попытки анализа механического вытеснения «старых» «новыми» заканчиваются там, где в данные взаимодействия вмешивается символический смысл. Джентрификация перестает быть стихийным выдавливанием резидентов новичками, как только ей начинает противостоять организованное движение журналистов, архитекторов, юристов и урбанистов-«охранителей», постулирующих безоговорочную *ценность* «соседств» и требующих от городских властей установления жестких «квот джентрификации» во имя сохранения исторического облика городских кварталов [21, с. 156].

Два других случая явно выходят за рамки биотических аспектов резидентности. Однако в одном случае дифференциация места, его регионализация как локала, осуществляется на основе уже некоего предпосланного смысла (символический уровень предпослан биотическому), а в другом – символизм места возникает как результат взаимодействия (символический уровень надстраивается на биотическом). В первом случае «ориентация на реализацию *проекта* (предпосланного смысла)», предполагающая «установку на будущее», создает основу для развития *перспективных механизмов организации пространства*. Во втором – «установка на прошлое», «ориентация на сохранение исторической памяти» пробуждает к жизни *ретроспективные механизмы*. Так, мы говорим о Проекте и Памяти, как «каналах», через которые время объективируется в пространстве. Проект – интенциональный, устремленный к цели, предполагающий «для-того-чтобы» мотивацию – привносит будущее в настоящее. Память – рефлексивная, ориентированная на сохранение существующего, диктующая мотивацию «потому-что» – наделяет настоящее смыслами, почерпнутыми из прошлого. Смерть одного из членов семьи, безусловно, изменяет характер регионализации квартиры. Однако какие изменения последуют в ее «обстановке»? Захотят ли родственники сохранить все, как было при

умершем, чтобы сам интерьер служил напоминанием? Или предпочтут полностью сменить «обстановку», что уже давно планировали? Их решение зависит от того, какой смысл будет придан ими данному месту.

Значит ли это, что время вмещается в пространство только посредством «темпоральных смыслов»? Очевидно, нет. Время оказывает воздействие и на биотические аспекты резидентности, но здесь оно еще не наделяется *значениями*. Это «объективное» время прибытия создает «объективные» дистанции между старожилами и новичками. Однако сами по себе – без символической легитимации – эти различия остаются значимыми лишь на определенный, недолгий срок. Только их осознание и интерпретация обеспечивают резидентальной дифференциации устойчивость и воспроизводство.

Введение в проблематику темпоральных механизмов организации пространства категорий «проекта» и «памяти» (как совокупностей проспективных и ретроспективных механизмов) позволяет подключить ряд теоретических ресурсов, расширяющих акционистскую перспективу анализа. Это в первую очередь «деятельностная» концепция памяти Э. Гидденса [19], конструктивистский подход к пониманию «исторической памяти» Б. Андерсона [14], идеи темпоральной организации памяти сообщества А. Шюца (восходящие к описанию памяти через механизмы «ретенции-импрессии-протенции» в работах Гуссерля [21], теория эвокативных⁴ символов У. Уорнера [29].

Анализ проспективных механизмов может быть продолжен на примере социальной организации пространства «воплощенных утопий»: от «Нового Сиона» Дж. Смита и «Икарии» Э. Кабе до города Пуллмана, последней индустриальной утопии ушедшего века; анализ ретроспективных механизмов – на материале ритуалов «сакрализации старых мест», «пространственных проекций символической функции кладбищ» (У. Уорнер) и т.д.

Рамки данной работы не позволяют нам реализовать этот замысел. Однако модель «резидентального сообщества» может быть и далее использована для более детального рассмотрения темпоральной организации пространства социального взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carr D. Time, narrative and history. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1991.
2. Gold J.R. An Introduction to Behavioral Geography. Oxford: Oxford University Press, 1980.
3. Hagerstrand T. Space, Time and Human Conditions. Farnborough: Saxon House, 1975.
4. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell Publishers, 1994.
5. Park R. Human Ecology // American Sociological Review. Vol. 42. 1936.
6. Parsons T. The Structure of Social Action. N.Y., 1937.
7. The Body. Social Process and Cultural Theory / Ed. by M. Featherstone, M. Hepworth, B.S. Turner. London, 1991.
8. Thomas W. Primitive behavior. New York: Harper&Raw, 1937.
9. Thrift N. On the Determination of Social Action in Space and Time // Spatial Formations. London etc.: SAGE Publications, 1996.
10. Walmsley D.J., Lewis G.J. Human Geography Behavioral Approaches. London, New York: Longman, 1964.
11. Werlen B. Society, Action and Space. An alternative Human Geography. London, New York: Routledge, 1993.
12. Wilson E.O. Sociobiology. A new synthesis. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
13. Yankee City / Ed. by W.L. Warner. New Haven & London: Yale Univ. Press, 1963.
14. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.

⁴ От английского evocative – восстанавливающий в памяти, вызывающий воспоминания.

15. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Academia-центр, Медиум, 1995.
16. Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. Н.А. Шматко / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
17. Вахитайн В. Резидентность как фактор социальной стратификации // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 3.
18. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / Пер. с англ. С.П. Баньковская // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2.
19. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структурации. М.: Академический Проект, 2003.
20. Грац. Р. Город в Америке: жители и власти / Пер. с англ. В.Л. Глазычев. М.: Ладья, 1995.
21. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Гнозис, 1994.
22. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. М.: Канон, 1998.
23. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. С. Эфиоров // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3.
24. Леви-Стросс К. Мифологии. Т.1. Сырое и приготовленное. М.-СПб.: Культурная инициатива; Университетская книга, 2000.
25. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - Текст - Семиосфера - История. М.: Языки русской культуры, 1996.
26. Огановский Л. Борьба за землю (индуктивно-статистическое исследование). Т. I. СПб: Кн-изд. "Труд и борьба", тип. Д.П. Вейбрута, 1908.
27. Поправко Н.В., Сыров В.Н. Концепция времени в социологии // Социологический журнал. 2000. № 1-2.
28. Титков А. Образы регионов в российском массовом сознании // Полис. 1999. Т. 3. № 6.
29. Уорнер У. Живые и мертвые. М.: Университетская книга, 2000.
30. Филиппов А.Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1.
31. Филиппов А.Ф. О понятии социального пространства // Куда идет Россия? (III). Социальная трансформация постсоветского пространства / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект-Пресс, 1996.
32. Филиппов А.Ф. Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки. 2002. № 6 (7).
33. Филиппов А.Ф. Теоретические основания социологии пространства. М.: Канон-Пресс-Ц, 2003.